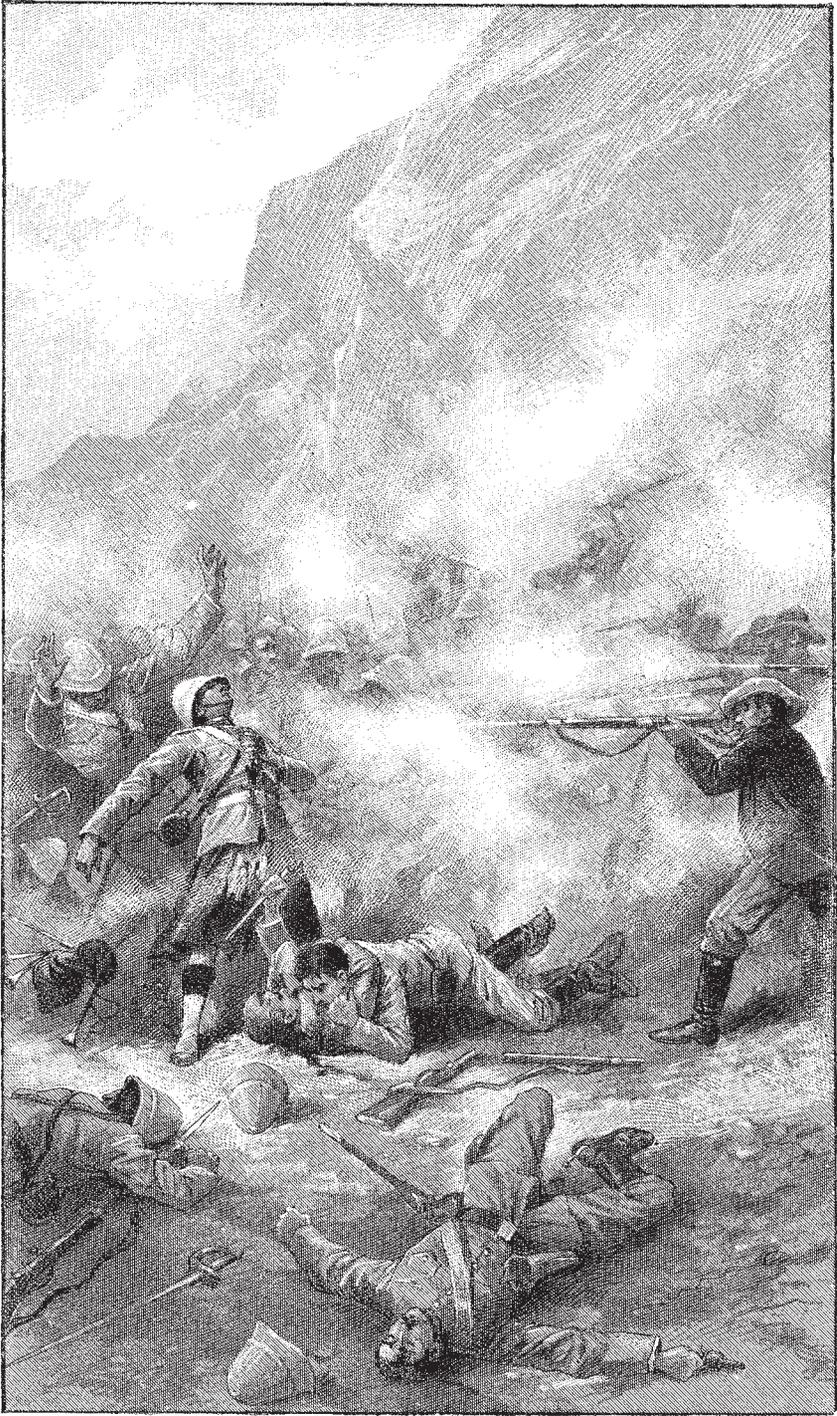

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

ЛУИ БУССЕНАР

ЛУИ БУССЕНАР

Капитан
Сорви-голова

Иллюстрации
ФЕРНАНА ЛЕЖЭ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2016

УДК 821.161.1
ББК 84.(Фр.)6-5
Б92

Перевод с французского *К. Полевого*

Рисунок на переплете
О. Бабкин

Буссенар Луи

Б92 Капитан Сорви-голова / Пер. с фр. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 285 с.: ил. — (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2107-7

Жан Грандье. Прозвище — капитан Сорви-голова. Молод, смел, решителен, дерзок, находчив. Беспредельно честен, нетерпим к несправедливости, склонен к авантюрам. Среди товарищей пользуется беспрекословным авторитетом. Отличный наездник, меткий стрелок, любимое оружие — маузер. Главный герой романа «Капитан Сорви-голова» знаменитого французского писателя Луи Буссенара (1880–1920).

В издании используется комплект из 54 иллюстраций Ф. Лежэ.

УДК 821.161.1
ББК 84.(Фр.)6-5

ISBN 978-5-9922-2107-7

© Перевод К. Полевого. Наследники, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

Часть первая **МОЛОКОСОСЫ**

ГЛАВА I

Смертный приговор. — Бур и его друг, молодой француз. — Отказ приостановить исполнение приговора под миллионный залог. — Осужденный сам роет себе могилу. — Казнь. — Трагическая сцена. — Месть. — Капитан Сорви-голова и погоня за ним.

Старший сержант, исполняющий обязанности секретаря военного полевого суда, поднялся. В руке у него клочок бумаги с приговором, который он только что нацарапал. Резким и сухим голосом, отчеканивая каждый слог, он прочитал его осужденному:

— «Совет полка, заседая в качестве военного суда, единогласно приговорил к смертной казни Давида Поттера, виновного в отравлении двадцати пяти лошадей четвертой артиллерийской батареи. Приговор окон-

чательный, обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение немедленно».

Пять членов суда в белых касках, с кобурами на поясных ремнях сидят на складных стульях, небрежно придерживая коленями сабли; у них надменный и презрительный вид джентльменов, вынужденных исполнять неприятную и скучную обязанность.

Один из них, молодой капитан, даже пробурчал сквозь зубы:

— Бог мой!.. Столько церемоний, чтобы отправить на тот свет какого-то мужика-мошенника, белого дикаря, мятежника, грабителя и убийцу!

Но председатель суда, красивый мужчина в форме полковника гайлендеров Гордона¹, остановив его легким движением руки, обратился к осужденному:

— Что можете вы сказать в свое оправдание, Давид Поттер?

Бур, который был на целую голову выше своих конвойных артиллеристов, стоявших по обе его стороны с шашками наголо, лишь презрительно пожал плечами. Потом отвернулся от членов суда и через тройную цепь солдат, выстроившихся с примкнутыми штыками вокруг судилища, устремил свой ясный взгляд туда, где стояли его неутешные родные.

Там, возле фермы, рыдала, ломая в отчаянии руки, молодая женщина, душераздирающе кричали дети, несчастные родители осужденного грозили завоевателям своими немощными кулаками.

А яркие лучи солнца, словно желая подчеркнуть эту скорбную картину, пробиваясь сквозь причудливую листву акаций и гигантских мимоз, светлыми зайчиками играли на лугу, травяные волны которого уходили в недоступную для глаза даль.

Здесь он жил, любил, страдал и боролся до последнего дня.

На какой-то миг его взор затуманился слезой умиления, но ее тотчас же осушил гнев.

Он выпрямился и, сжав кулаки, хриплым голосом ответил полковнику:

— Вы осудили меня за то, что я защищал свободу и независимость своей родины... Что же! Вы сильнее — убейте меня!

— Мы судьи, а не убийцы! — с негодованием прервал его председатель. — Вы, буры, ведете бесчестную, недостойную цивилизованных людей войну... Война тоже имеет свои законы, и мы судим вас по этим законам.

¹ Гайлендеры — горцы-шотландцы. Здесь речь идет о полке, которому присвоено имя офицера и географа шотландца Чарлза Джорджа Гордона. (Это и все последующие примечания, кроме специально оговоренных, сделаны переводчиком.)

— А по-вашему, это честная война, когда десять, пятнадцать, двадцать человек нападают на одного? — вскричал бюргер¹.

— Мы сражаемся с открытым забралом при помощи нашего оружия. И мы не судим тех, кто воюет с нами таким же оружием. А прибегать к яду подло, — продолжал полковник. — Сегодня вы травите лошадей, завтра возьметесь за людей... Это заслуживает сурового наказания.

Бур, не разбиравшийся в таких тонкостях, гневно возразил:

— Я действовал как патриот, который уничтожает все, что служит войне: людей, скот, военные материалы. И вам не удастся втолковать мне, почему убивать людей из ружья почетно, а травить ядом лошадей подло.

— От этого животного толку не добьешься, — снова процедил капитан, в глубине души смущенный наивной логикой крестьянина.

— Слушание дела закончено! — властно вмешался председатель. — Давид Поттер, приготовьтесь к смерти.

— А я и не прошу пощады. Если бы вы оставили меня в живых, я снова принялся бы за прежнее. Но я буду отомщен!.. Да, жестоко отомщен! Пролейте мою кровь. Пусть она льется рекою!.. Кровь мучеников за независимость — это роса, питающая свободу!

Эти слова, произнесенные громовым голосом, бросили в дрожь людей, собравшихся перед фермой. А пораженный ими старший сержант, крикнув, возобновил чтение приговора:

— «Осужденный сам выроет для себя могилу. Приговор будет приведен в исполнение взводом из двенадцати человек. Ружья зарядит сержант. Причем только шесть из них должны быть заряжены боевыми патронами, остальные же — холостыми».

Услышав этот странный параграф приговора, осужденный разразился смехом, жутко прозвучавшим в такую минуту.

— Ха! Ха! Ха!.. Понимаю... Мне как-то говорили об этом, да я, признаться, не верил! — воскликнул бюргер. — Вы боитесь, как бы солдаты не стали жертвами мести за расстрелянных? И надеетесь такой уловкой отвести от них эту месть? Вы думаете, что если солдат, убивающий патриота, сам не знает, заряжено боевым патроном его ружье или нет, то другие и подавно не узнают?.. Глупцы! Солдатам нечего бояться: моя месть не падет на головы этих невольных соучастников вашего преступления. Она настигнет вас... да, только вас, так называемых судей, истинных и единственных виновников. Вас пятеро, вы сильны и здоровы, за вами английская армия численностью в двести тысяч человек — и все равно месть поразит вас всех пятерых, и вы погибнете злою смертью, потому что я присуждаю вас к ней — я, обреченный на смерть.

¹ Бюргер — бур гражданин, то есть коренной бур, пользующийся правами гражданства.

Председатель встал и бесстрастно произнес:

— Мы судим по праву и совести, и ваши угрозы не трогают нас. По закону вам не дозволяется общение с людьми, но из человеколюбия я разрешаю вам проститься со своим семейством.

По его знаку тройная цепь солдат разомкнулась. Через образовавшийся проход ворвались убитые горем родные осужденного.

Их человек тридцать; впереди жена Давида. Вне себя от горя, она бросается на грудь любимого и верного спутника своей жизни и иступленно сжимает его в объятиях. Она не в силах вымолвить ни слова, убитая неотвратимостью страшной беды.

Возле нее красивый юноша. На нем охотничий костюм отменного покроя, изящество которого, так резко отличавшееся от скромной одежды буров, возбудило любопытство англичан.

Грустная улыбка озарила лицо осужденного при виде юноши.

— Давид!.. Мой хороший, добрый Давид!.. Вот как нам довелось свидеться! — воскликнул молодой человек.

— Вы? Неужели это вы, мой дорогой мальчик?.. Как я счастлив!.. Видите, они схватили меня — это конец... Не видать мне торжества нашей свободы и независимости.

— Погодите отчаиваться!.. Я попробую поговорить с ними, — произнес юноша.

Он подошел к собиравшимся уже уйти членам военного суда. Сняв шляпу, но не теряя чувства собственного достоинства, он обратился к председателю:

— Умоляю вас, милорд, прикажите отсрочить казнь... Сжальтесь над этой несчастной женщиной, над детьми, над этим человеком, действиями которого руководило лишь благородное чувство патриотизма. Вы сыны великой, сильной нации, будьте же великодушны!

— Мне очень жаль, — ответил полковник, отдавая честь затынутой в перчатку рукой, — но я бессилён помочь.

— Несколько дней жизни!.. Всего лишь несколько дней! Одну только неделю — и я берусь выхлопотать для него помилование.

— Не могу, молодой человек. Приговор произнесен именем закона, а все мы рабы закона, начиная от ее величества королевы и кончая последним из наших парней.

— Я внесу залог.

— Нет.

— Десять тысяч франков за каждый день...

— Нет.

— Сто тысяч франков за день... Это составит миллион за десять дней!

— Миллион? Но кто же вы такой?

— Человек, умеющий отвечать за свою подпись, — ответил юноша с характерной для него вызывающей, но исполненной достоинства дерзостью. — Давид Поттер спас мне жизнь, и, если понадобится, я отдам за него все до последней копейки, до последней капли своей крови!..

— Такое чувство делает вам честь, — прервал его полковник, — но на войне трудно руководствоваться чувствами. А теперь выслушайте меня внимательно, — продолжал он. — У меня есть сын, примерно вашего возраста, он служит офицером в моем полку. На нем сосредоточил я всю свою отцовскую нежность, все честолюбие солдата... Так вот, предположим, что он находится в плену у буров и должен быть расстрелян, как будет сейчас расстрелян этот человек. Предположим также, что мне, его отцу, предлагают его жизнь в обмен на жизнь Давида Поттера...

— И вы?.. — задыхаясь от волнения, спросил юноша.

— Не принял бы предложения, и мой единственный сын погиб бы!

Словно оглушенный этими словами, юноша опустил голову. Он понял: ничто уже не может спасти осужденного и настаивать бесполезно. Впервые постиг он весь ужас этого страшного бича, этого бедствия, которое превращает убийство в закон и нагромождает горы трупов, этого позорящего человечество чудовища, имя которому война!

Вернувшись к буру, окруженному рыдающими родными, он взял его руку в свои и с неизъяснимым выражением нежности и сожаления воскликнул:

— Мой добрый Давид!.. Я думал смягчить их — ничего не вышло... Надеяться больше не на что.

— И все же я так благодарен вам, мой маленький храбрый француз, за ваше участие, — ответил бюргер. — Бог свидетель, на сердце становится теплей, когда видишь, что за наше дело борются такие люди, как вы!

— Неужели я ничего не могу сделать для вас? — прошептал юноша.

— Можете! Пробыть возле меня вместе с моей женой и детьми до последнего моего вздоха... Отомстить за меня! Всегда сражаться так же, как... поняли? И ни слова больше... Здесь слишком много ушей...

— Обещаю, Давид!

Офицеры между тем расходились по своим палаткам, с любопытством поглядывая на этого мальчика, который жонглировал миллионами и говорил, как мужчина.

Остались только старший сержант, два артиллериста и пехотинцы, окружавшие место, где стояли осужденный и его близкие. Сержант резким голосом приказал одному из солдат одолжить осужденному свою лопатку.

Солдат отстегнул подвешенную на поясе, пониже рюкзака, валлийскую лопатку, которыми снабжена вся английская пехота, и подал ее буру, а старший сержант, указав пальцем на землю, пояснил:

— Dig!.. Копай!..

Пожав плечами, бур спокойно ответил:

— Я не прикоснусь к этому английскому изделию, не стану марать своих рук, да и родную землю, в которой мне суждено покоиться вечно. Принесите-ка мне кирку да лопату, славные мои орудия. С их помощью я вспахал эту девственную землю, опустошаемую теперь завоевателями.

Ему принесли. Он схватил рукоятки, отполированные долгим трением о его огрубевшие от труда руки, и блестящее железо зазвенело. Потом двумя длинными шагами он отмерил на красноватой земле свой гигантский рост и засек две глубокие зарубки. Английские солдаты, умеющие ценить мужество, не могли скрыть восхищения.

Бур поплевал на ладони, сжал рукоятку кирки и целиком ушел в свою зловещую работу.

— Ну-ка, Давид, — бормотал он, — пошевели-ка в последний разок вскормившую тебя землю.

Согнув спину, напрягая руки и шею, на которых, словно веревочные узлы, выступили мускулы, он мощными ударами стал вгрызаться в землю вельдта¹, и она, проносясь между его ног, послушно ложилась позади него. Затем он старательно выровнял лопатой яму, придав ей форму могилы.

Жена и дети, стоя на коленях под знойными лучами солнца, которое было уже в зените, тихо плакали.

Солдатам разрешили присесть. Они стали закусывать, вполголоса переговариваясь. Время между тем шло, и могила углублялась. Великан-бур все глубже и глубже уходил в землю, лишь изредка прерывая свою ужасную работу, чтобы тыльной стороной руки отереть струившийся по лицу пот. Время от времени он взглядывал украдкой на жену и детей. И тогда, невзирая на усталость, начинал работать быстрее, спеша поскорее покончить со столь страшным для них зрелищем.

Один из солдат, охваченный состраданием, протянул буру флягу, полную виски.

— Выпейте, товарищ, это от чистого сердца, — ласково сказал он.

— Виски?.. Нет, спасибо. Еще подумают, что я выпил для храбрости. Но я охотно приму от вас немного воды, товарищ!

Друзья и родные, окруженные цепью солдат, не могли пойти за водой.

Солдат сбегал в дом и принес деревянный ковш свежей воды. Давид, припав к нему губами, жадно пил, а солдат возвратился на свое место, рассуждая:

— Вода!.. Ну разве может она сойти за христианский напиток, особенно в тот час, когда человек должен навсегда забыть вкус виски? Да если

¹ Вельд, или вельдт, — название степи в Южной Африке. Говорят: «Трансваальские вельдты».

бы я был так же близок, как он, от того, чтобы сыграть в ящик, уж я бы не постеснялся осушить фляги всего взвода. Это так же верно, как то, что меня зовут Томми Аткинс!

А время шло, безжалостно текли минуты. Солнце склонялось к западу. И все глуше звучали удары кирки в зияющей яме, поглотившей бура уже до самых плеч. Жена его распростерлась на земле и, с ужасом сознавая приближение роковой минуты, не отрывала глаз от двух огромных бугров, нараставших по обе стороны могилы.

Послышался треск затворов. То старший сержант, достав из патронташа двенадцать патронов и вырвав из шести патронов пули, заряжал ружья.

Вот он уже принес винтовки и бросил их на землю. Затем, подойдя к буру, который продолжал копать землю, сказал:

— Давид Поттер, приготовьтесь к смерти!

А тот, прервав работу, поднял голову и спокойно ответил:

— Я готов.

Уложив рукоятку лопаты поперек ямы и ухватившись за нее, он подтянулся на руках, одним прыжком перемахнул через могильный скат — и вот он уже стоит на земле, измазанный красноватой землей, освещенный косыми лучами солнца, огромный, трагически величественный.

Жена и дети бросились было к нему, но караул по знаку сержанта оттеснил их. И тотчас же выступили вперед двенадцать невооруженных солдат, назначенных в этот страшный наряд. Разобрав наугад принесенные сержантом ружья, они выстроились в ряд. К осужденному подошел старший сержант, чтобы завязать ему глаза и поставить на колени. Бур энергично запротестовал:

— Единственная моя просьба к англичанам — позволить мне умереть стоя, глядя на божье солнце, и самому скомандовать: огонь!

— Я не могу отказать в этом столь мужественному человеку, как вы, — ответил сержант, козырнув ему по-военному.

— Благодарю.

Взвод находился на расстоянии примерно пятнадцати шагов.

Бур стал лицом к солдатам, спиной к могиле.

Мертвая тишина повисла над лагерем. Смолкли рыдания и стоны. Жгучая мука охватила все сердца.

Короткая команда, мгновенное дребезжанье металла, и двенадцать стволов вытянулись ровной сверкающей линией: солдаты взяли бура на прицел.

Осужденный стоял с обнаженной головой и открытой грудью.

Глубоко вздохнув, он воскликнул:

— Прощайте, жена, дети, свобода! Прощай все, что я любил! Да здравствует независимость!.. А вы, солдаты: огонь!

Грянули двенадцать выстрелов, сопровождаемые глухим эхом. Бур пошатнулся и тяжело рухнул навзничь на один из могильных скатов.

Из уст жены вырвался крик отчаяния, заголосили дети.

Взвод взял на караул, сделал полуоборот и двинулся в лагерь. Отряд, служивший оцеплением, разомкнулся и открыл наконец доступ к могиле.

Бур умер мгновенно. Из его груди, изрешеченной всеми шестью пулями, хлестали потоки крови.

Несчастливая жена, тяжело опустившись на колени, благоговейно закрыла его глаза, даже в смерти сохранившие твердость. Потом, омочив свои пальцы в крови, ярко алевшей на разодранной одежде мужа, она осенила себя крестом и сказала детям:

— Сделайте, как я... И никогда не забывайте, что ваш отец — убитый англичанами мученик, кровь которого вопиет о мщении!

Дети последовали ее примеру. А старший сын, рослый четырнадцатилетний мальчик, решительно подошел к французу, который тоже плакал, и, взяв его за руку, твердо сказал:

— Ты возьмешь меня с собой. Правда?

— Да, — ответил француз, — у меня найдется для тебя и пони и мушкетон.

— Иди, дитя мое! — воскликнула, услышав его, мать. — Иди, сражайся за независимость, как подобает мужчине, и отомсти за отца!

Из дома принесли широкую простыню и веревку: простыню — чтобы завернуть в нее тело, веревку — чтобы опустить его в могилу.

Но тут прибежал запыхавшийся и взволнованный, коренастый и юркий, как белка, подросток.

Увидев молодого француза, он бросился к нему и тихо сказал:

— Нас предали!.. Беги, спасайся!.. Англичане знают, что ты на их передовой позиции. Скорей! Скорей!.. Лошади уже здесь.

— Благодарю, Фанфан... Иду. — И, обратившись к юному буру, француз сказал: — Обними свою мать, Поль, и следуй за мной.

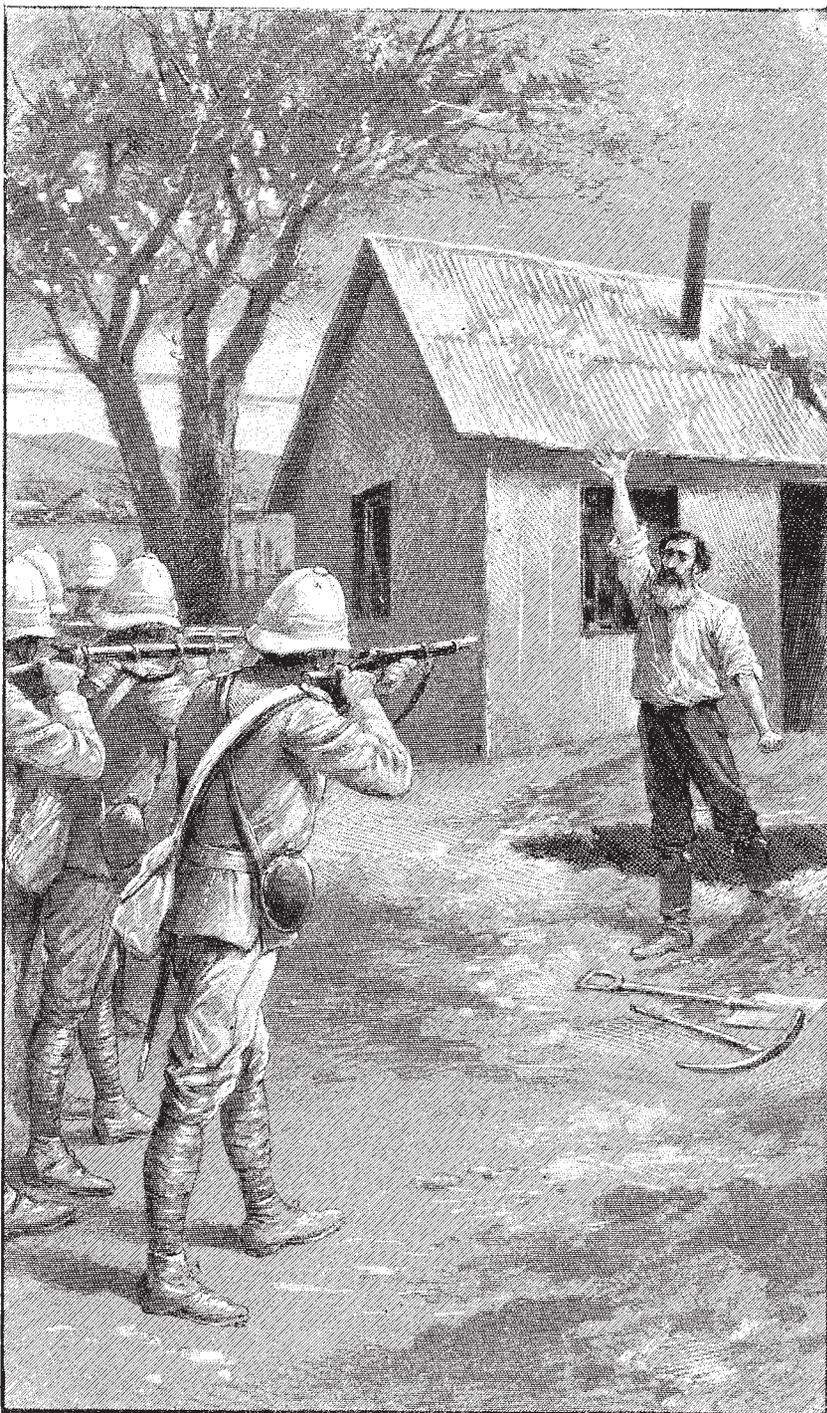
Мальчик, названный Фанфаном, уже исчез. Сын казненного и молодой незнакомец последовали за ним.

Фанфан направился к заросли колючих мимоз, метко называемых в тех местах «подожди немного». Там, покусывая ветки, переминались с ноги на ногу два сильных пони, снаряженных по-боевому, с мушкетонами у седла и с туго набитыми походными сумками.

Ловко вскочив на одного из них, француз крикнул Полю:

— На круп позади Фанфана — и в галоп!.. Дело будет жаркое.

С аванпостов уже донеслось несколько выстрелов, а над головами беглецов зажужжали пули, когда их пони взяли с места бешеным галопом. Возле дома Давида Поттера поднялась невообразимая суматоха.

— Да здравствует независимость!.. А вы, солдаты: огонь!

— Окружить дом! Никого не выпускать! — крикнул примчавшийся на взмыленном коне полковой адъютант. — Где старший сержант?

— Здесь, господин лейтенант! — ответил сержант.

— Вы не заметили тут юношу, вернее — мальчика, в охотничьем костюме?

— Так точно, господин лейтенант, заметил!

— Где он?

— Я думаю, на ферме.

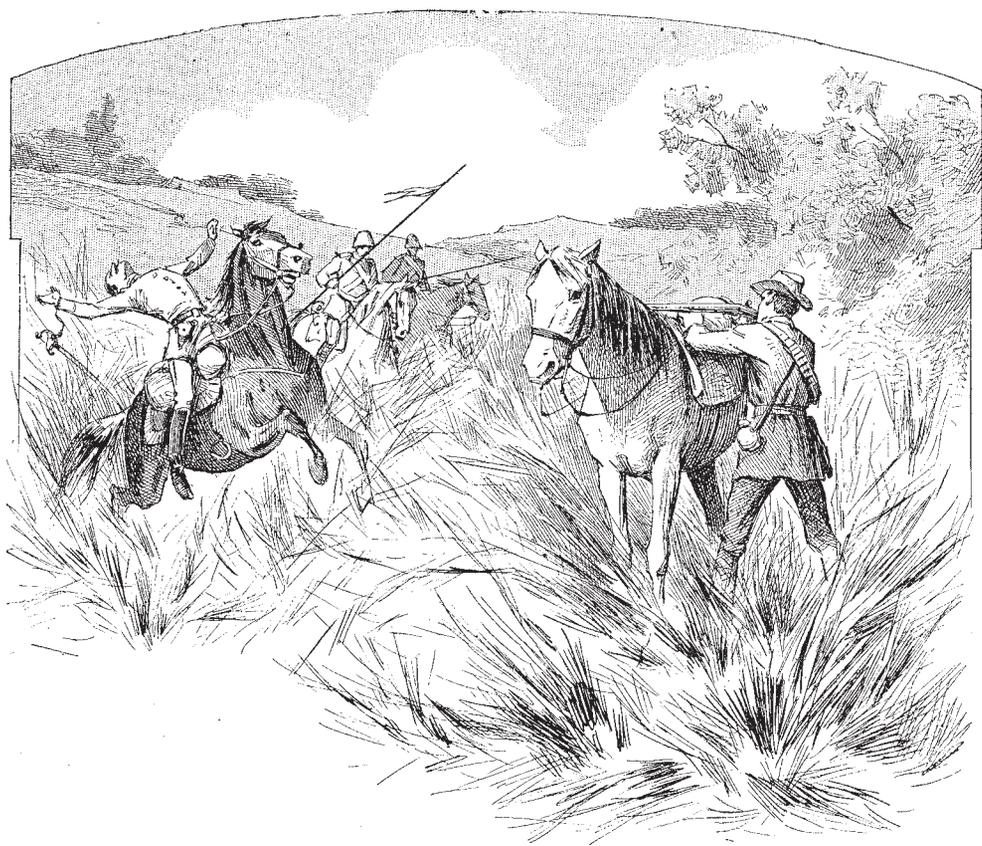
— Немедленно схватить его и доставить в штаб полка живым или мертвым.

— Живым или мертвым?.. Да ведь это же безобидный ребенок.

— Круглый идиот!.. Этот ребенок настоящий дьявол, он стоит целого полка! Это проклятый капитан Сорви-голова, командир разведчиков... Живо, живо! Всем кавалеристам, которыми вы располагаете, — в седло!

В одно мгновение были взнузданы и оседланы тридцать коней.

И началась бешеная погоня...

ГЛАВА II

Гон. — Человек в роли дичи. — Дичь защищается. — Первые подвиги капитана Сорви-голова. — Бесстрашные юнцы. — Инстинкт лошадей. — Обходное движение. — Колючий кустарник. — Фанфан ранен. — Отчаянное бегство. — Пони убит. — Смертельная опасность. — Между двух огней.

У англичан, этих страстных любителей спорта, все может послужить предлогом для неистовых скачек.

Если нет лисицы для травли с собаками, довольствуются маленькими комочками бумаги. Егерь, изображающий собой зверя, разбрасывает их как попало.

Охота для потехи или даже подобие такой охоты вполне удовлетворяет спортсмена, лишь бы скакать через самые неожиданные препятствия и испытывать опьянение, которое так волнует искусного наездника.

Но когда в перспективе у джентльмена охота за человеком! Когда человек становится дичью, которую нужно взять или убить!.. О! Тогда на-

циональная страсть, помноженная на врожденную первобытную свирепость — homo homini lupus est¹, превращается в настоящее неистовство.

Перед такой охотой меркнут и rally paper², и fox hunting³.

Гнаться за человеком, присутствовать при его агонии — что за наслаждение для цивилизованных варваров!

«Вперед! Вперед!..» У англичан этот возглас означает: «Кто придет первым».

Офицеры, пользуясь своей властью, приказали солдатам спешиться и бесцеремонно забрали их коней. Взвод сформировался в одно мгновение. Он состоял из драгун, улан, гусар и нескольких yeomanry⁴, этих бесстрашных охотников, еще более одержимых, чем их товарищи по регулярной армии.

«Вперед! Вперед!..»

Долг солдата и спортивный азарт подхлестывают друг друга, придавая особую напряженность скачке, которая с ходу приняла бешеный характер.

«Вперед!.. Вперед! Охота за человеком!»

Взвод улан то смыкался, то растягивался, в зависимости от темперамента всадников и горячности их коней.

Впереди молодой уланский лейтенант на великолепном, породистом скакуне. С каждым его скачком офицер все больше удалялся от взвода и приближался к беглецам, которые опередили погоню не более чем на шестьсот метров.

Бедные мальчики мчались во весь опор на пони, неказистых с виду, но смелых и умных животных, честно исполнявших свой долг.

Вот оба отряда вступили в полосу высоких трав. Здесь пони приобрели некоторые преимущества: они перешли на своеобразный аллюр, при котором их передние ноги идут рысью, а задние галопом, что дает им возможность, почти не снижая скорости и не путаясь, пробираться среди высоких трав. На голой равнине их настигли бы за каких-нибудь десять минут, в прериях же удавалось сохранять расстояние, отделявшее их от преследователей.

Только уланский лейтенант да еще трое всадников постепенно нагнали беглецов.

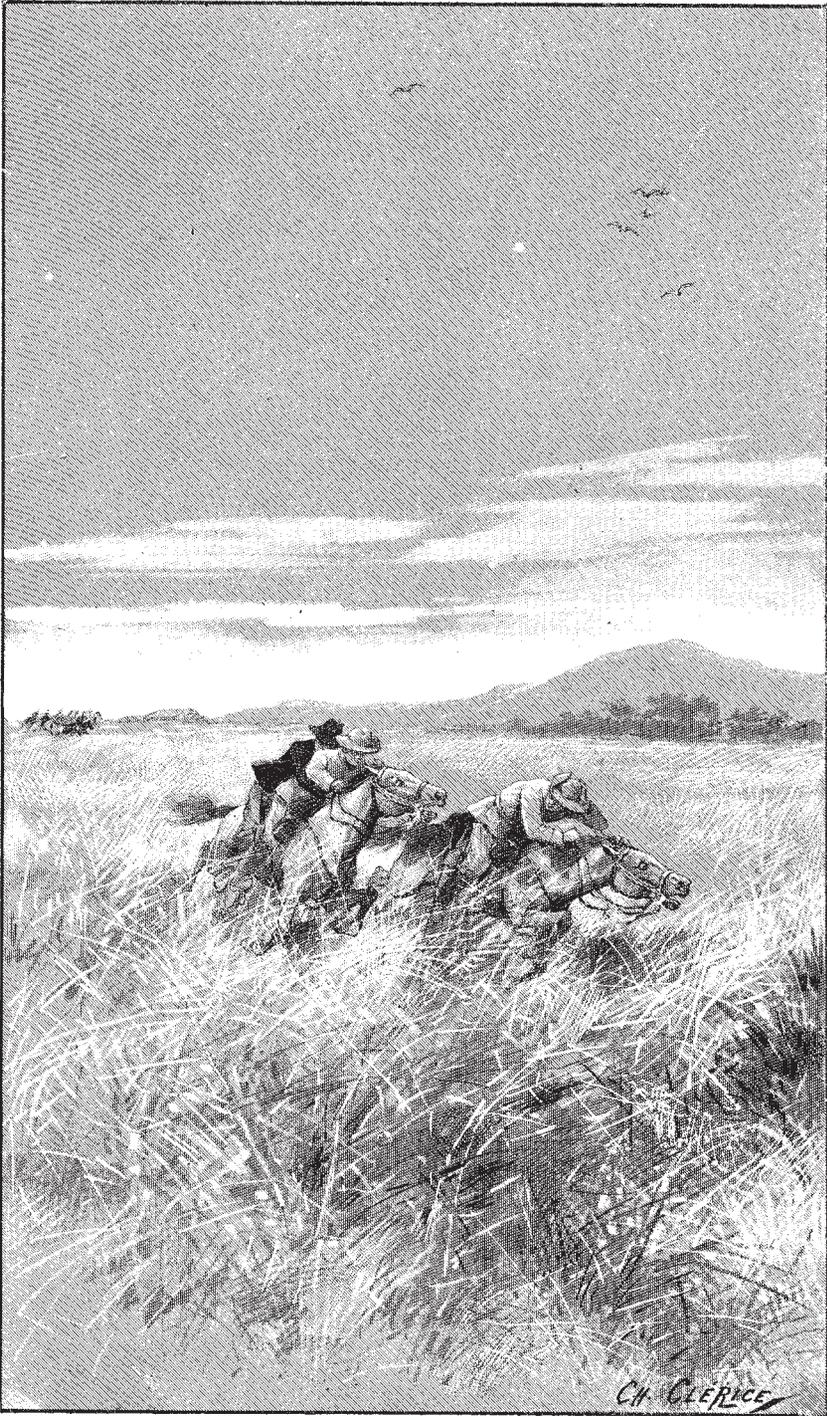
Пони молодого француза, которого англичане прозвали капитаном Сорви-голова, не обнаруживал еще ни малейших признаков усталости. Но удила пони, на котором скакали Фанфан и юный Поль, уже были покрыты обильной пеной; он явно начал уставать.

¹ Человек человеку — волк (*лат.*).

² Потеха с бумажками (*англ.*).

³ Охота на лисиц (*англ.*).

⁴ Добровольческая кавалерия в Англии (*англ.*).

Бедные мальчики мчались во весь опор на пони...

— Фанфан! — крикнул Сорви-голова. — Ты не на деревянном коньке карусели, а в седле! Отдай поводья, положишься на коня.

— Ладно, хозяин! — ответил Фанфан. — Придется тебе, Коко, думать за нас обоих, — ласково потрепал он по шее пони. — Впрочем, это не так уж трудно для тебя.

Сорви-голова между тем обернулся. Обеспокоенный приближением англичан, он отстегнул мушкетон.

— Внимание!.. — вполголоса обратился он к своим спутникам.

Затем раздался его свист, услышав который оба пони мгновенно остановились и замерли на месте.

Проворно соскочив с пони, Сорви-голова пристроил на седле ствол своего мушкетона и, наведя его на уланского офицера, осторожно спустил курок. Раздался сухой выстрел. Несколько мгновений Сорви-голова стоял не шелохнувшись, с широко раскрытыми глазами, словно желая проследить полет пули.

Офицер, сраженный на всем скаку, выпустил поводья и, взмахнув руками, опрокинулся на круп коня. Лошадь шарахнулась в сторону, офицер, мертвый или тяжело раненный, свалился наземь, а обезумевший от испуга конь, подстегиваемый бьющимися о бока стремянами, понесся куда глаза глядят.

— Благодарю вас, Сорви-голова! Может быть, это один из тех, кто убил моего отца! — воскликнул Поль Поттер.

Послышался второй выстрел.

То Фанфан, увидев, что Сорви-голова стреляет, решил последовать его примеру, без малейшего, впрочем, успеха.

— Эх! Чистый проигрыш, — проворчал раздосадованный мальчик.

Три кавалериста, скакавшие за лейтенантом, остановились, чтобы оказать ему помощь. Образовалась маленькая группа.

Бах!..

Фью-ю-ю-ю-ю... — запела, разрывая воздух, пуля.

То снова выстрелил Сорви-голова.

В группе англичан поднялась на дыбы лошадь и, пройдя на задних ногах, подобно геральдическим коням, несколько шагов, грохнулась, подмяв под себя всадника.

— И второй! — с дикой радостью завопил маленький бур.

Бах!.. Это опять так же азартно выстрелил Фанфан — и опять так же успешно промахнулся.

— Ты стреляешь, как сапожник, Фанфан! — крикнул взбешенный Сорви-голова. — Передай свое ружье Полю.

— Давай, давай! — обрадовался сын казненного. — Посмотришь, как я стреляю.

С аккуратностью старого солдата мальчик шелкнул затвором, вложил патрон в казенную часть, спокойно навел ружье на одного из двух оставшихся в живых улан маленького английского авангарда и выстрелил в тот самый миг, когда уланы возобновили преследование.

— Ух, здорово! — воскликнул Фанфан, радуясь успеху маленького бура, снявшего всадника с коня.

— Ну, Поль! Четвертый — на нас двоих! — крикнул Сорви-голова. — Тебе — человек, мне — конь.

И два выстрела слились в один.

Всадник и конь, пораженные на полном скаку двумя не знавшими промаха стрелками, упали и скрылись в траве.

— Да, ты будешь отомщен, и хорошо отомщен, бедный мой отец! — воскликнул побледневший от гнева мальчик.

Эта страшная расправа, такая долгая в рассказе, совершилась в каких-нибудь полминуты.

Пора было, однако, удирать. Все кавалеристы примчались к месту, где погибли их товарищи. Отряд перестроился.

Уже садясь на пони, Сорви-голова заметил, что все англичане, у которых было огнестрельное оружие, целятся в них.

Он едва успел пронзительно свистнуть и крикнуть:

— Ложись!

Прекрасно выдрессированные животные, услышав знакомый сигнал, распластались на земле одновременно со своими хозяевами.

Над беглецами просвистал град пуль.

Фанфан болезненно вскрикнул.

— Только без глупостей! — воскликнул Сорви-голова, но голос его звучал тревожно.

— Угостили... — ответил Фанфан. — Нечего сказать, угостили!

— Гром и молния!.. Бедный Фанфан! — воскликнул Сорви-голова. — Покажи!

— В левую ходулю угодили, — попытался отшутиться Фанфан. — Погоди... Поломки, кажется, нет — только голень продырявили, и все. Кровоточит, правда, но ничего, не очень больно. Обмотаю ее платком и стану таким же петухом, как и раньше.

— Дай перевяжу.

— Не стоит. Потом как-нибудь... Сейчас дела куда поважнее. Становится жарко.

Действительно, становилось жарко.

Англичане, взбешенные сопротивлением и не ожидавшие встретить таких опасных противников в каких-то мальчишках, которых они думали взять голыми руками, переменили тактику и приступили к новому маневру.

Их двадцать четыре человека. Семеро поскакали направо, семеро — налево, описывая полукруг, чтобы отрезать отступление беглецам. Десять остальных, оставшись на месте, рассредоточились и стали поддерживать огонь в том направлении, где прижались к земле юные партизаны.

— Теперь уж не до смеха, — сказал Сорви-голова. Приподняв голову, он осматривал местность. — Они хотят взять нас в клещи обходным движением. Но посмотрим!.. Придется отступить. Ты сможешь, Фанфан?

— Каждый может все, чего захочет, хозяин. Будь покоен! Уж я-то не повисну колодой на ваших ногах.

— Нам грозит смертельная опасность, — предупредил Сорви-голова.

— Вся наша жизнь смертельная опасность, — ответил молодой партизанин. — Не разбив яиц, и яичницы не приготовишь. Если бы я дрожал за свою шкуру, я остался бы у себя на родине, на улице Гренета¹.

Пока Фанфан философствовал, Сорви-голова не терял даром времени. Он установил по компасу, что в полулье направо от них находится хорошо знакомый большой лес, затем связал узлом стремяна пони, предварительно перекинув их на седла. Все это он проделал так, чтобы англичане ничего не заметили. А те продолжали лениво постреливать, решив, по-видимому, не предпринимать более энергичных действий, пока их товарищи не завершат окружения. Сорви-голова между тем перекинул через плечо свой мушкетон и, приказав товарищам следовать за ним, с удивительной быстротой пополз среди высоких трав.

Поль и Фанфан, видно, тоже знакомые с этим приемом индейцев, повинувались, и вскоре все трое исчезли в гигантской растительности вельдта. Их пони, распростертые на земле и скрытые густой травой, остались на месте.

Англичане, ставшие более осмотрительными, приближались осторожно, мелкой рысью, время от времени переходя даже на шаг.

Не обращая на них никакого внимания, Сорви-голова двигался направо, к опушке леса. Противник не переставал постреливать наугад, и Сорви-голова, продолжавший ползти с проворством ящерицы, сказал вполголоса:

— Только бы не искалечили они наших лошадок... Эх! Будь со мной хотя бы дюжина моих Молокососов, ни один из этих хаки не вернулся бы в свой лагерь. — И, обернувшись затем к Фанфану, он спросил: — Как дела, старина?

— Потеем, трудимся, — ответил Фанфан. — Не ручаюсь, что мог бы прыгнуть с трамплина, но что касается ходьбы на четвереньках... одной лапой больше, одной меньше — невелика важность.

¹ Улица в одном из рабочих предместий Парижа.

К счастью, трава в тех местах была вышиною в метр, а то и больше; только это и спасало бесстрашных сорванцов. В другой обстановке они давно уже были бы схвачены или подстрелены англичанами.

В самом деле, представьте себе луг с Марсово поле¹, на котором играют в прятки, но только всерьез и под угрозой смерти, трое против двадцати четырех.

Какая выносливость, какая ловкость, сколько удачи потребуется этим троиц, чтобы благополучно ускользнуть!

Между тем правый и левый отряды англичан завершили полуокружение. Теперь совместно с третьим, оставшимся на месте взводом они готовились сомкнуть кольцо вокруг того места, где, по их мнению, находились беглецы.

Но те, пробираясь между травами, прошли уже расстояние в четыреста метров под прямым углом к их первоначальному направлению. Прежде они скакали на север, теперь же ползли на восток. Просто чудо, что англичане до сих пор не заметили их передвижения. До спасительного леса оставалось еще не менее полутора тысяч метров. Будь у них достаточно времени, они, конечно, доползли бы до него, но этот невероятно трудный способ передвижения скоро совсем истощил силы раненого Фанфана. При всем своем мужестве он не способен был ползти дальше.

Ослабленный потерей крови, которая не переставала струиться из раны, чувствуя, что с каждой минутой все больше слабеет, еле волоча за собой ноги, он умолял товарищей бросить его.

— Ни за что! Или ты вернешься в лагерь вместе с нами, или мы все погибнем здесь! — воскликнул Сорви-голова.

— Но подумай! Командующий ждет результатов разведки. От них зависит судьба всего командо², — спорил Фанфан.

Вместо ответа Сорви-голова только пожал плечами. Присев на корточки и чуть высунув голову из травы, он беглым взглядом окинул равнину.

Юноша заметил, как сильно они опередили англичан. От врагов их отделяло теперь не менее пятисот метров.

О, если бы только они могли и дальше продвигаться вот так же, под прикрытием травы! Но Фанфан! Бедняга Фанфан!.. Надо спасти его во что бы то ни стало.

Не видя другого выхода, Сорви-голова решил поставить на карту все.

Вложив пальцы в рот, он трижды пронзительно свистнул.

И тогда произошло нечто поистине изумительное. Бурские лошадки, притаившиеся в траве и до сих пор не обнаруженные англичанами, стре-

¹ Большая площадь в Париже, где обычно происходили парады войск.

² Коммандо — подразделение трансваальской армии. В начале войны командо насчитывало до 1000 бойцов, в конце войны состав его уменьшился до 500—600 бойцов.

мительно вскочили и понеслись бешеным галопом, с раздувающимися ноздрями, прыгая над травой, как антилопы. Безошибочный инстинкт полудиких животных не обманул их. Тонкий слух верно уловил направление сигнала, а чутье, более острое, чем у ищеек, вело их по правильному пути.

Растерявшись от изумления, англичане послали было вдогонку смелым животным несколько выстрелов, но, увидев, что пони без седоков, перестали обращать на них внимание.

Преследователи, разумеется, также слышали свист. Но их отряды находились довольно далеко друг от друга, и потому они не могли определить место, откуда он доносился. Больше того, каждый из отрядов принял свист за сигнал другого отряда к атаке. И все они поторопились сойтись в той точке, где никого уже не было.

Нельзя не признать, что для троих ребят, один из которых был к тому же ранен, это был блестящий маневр. К несчастью, опасность еще не миновала. Пони примчались к ним, как вихрь. Немного привстав, Сорви-голова остановил их легким прищелкиванием языка и в каких-нибудь две секунды развязал стремяна.

— В седло, Поль! — скомандовал он. — Не заботься обо мне и скачи прямо в лес.

А пока маленький бур садился на лошадь, он поднял Фанфана, усадил его верхом на холку пони и, вскочив позади раненого в седло, устремился за буром.

Англичане, поняв наконец, что их одурачили, послали вслед беглецам, мчавшимся, как ветер, залп проклятий и открыли по ним адский огонь.

Пули свистели, выли, жужжали вокруг Молокососов, срезали стебли трав; музыка была не из приятных.

Пока одни англичане стреляли, другие возобновили погоню. Каких-нибудь пять-шесть минут — и беглецы достигнут леса, где их ожидает спасение.

Да, но пять минут!

Внезапно лошадка Поля отпрянула в сторону, зашаталась и чуть не упала. На левом боку животного показалась длинная струя крови.

— Держись, Поль, твой пони ранен! — крикнул Сорви-голова.

Бур и сам уже почувствовал, что лошадь под ним оседает. Напрасно он подбадривал ее голосом и вонзал ей в бока шпоры. Боясь, что пони упадет, и стремясь продвинуться как можно дальше, Поль стал даже по-калывать его ножом.

То и дело спотыкаясь, доброе животное пробежало еще метров триста, потом зашаталось и тяжело повалилось на землю. Из рта и ноздрей его показалась кровь.

— Бедный Коко! — всхлипнул Фанфан, обожавший своего коня.

А маленький бур, этот ловкий наездник, успел уже соскочить и стоял целый и невредимый.

Остановив своего пони, Сорви-голова крикнул:

— Вскрабкайся позади меня, Поль, и держись крепче. Чем мы хуже сыновей Эмона?¹

Уставший и перегруженный пони уже не мог бежать так быстро, как до сих пор. И хотя до леса оставалось не более трехсот метров, расстояние между беглецами и англичанами уменьшалось с каждой секундой.

Раздался новый залп, и Поль, застонав, скатился в траву.

Правда, он тут же вскочил и крикнул, догоняя товарищей:

— Ничего страшного, я только обезоружен!

Пуля угодила ему между лопаток, но, по необыкновенно счастливой случайности, сплющилась, ударившись о дуло ружья, причем искривила его и разбила ложе приклада.

Еще полтора метра метров!

Англичане приближались, улюлюкая, с неистовыми криками «ура». Еще бы! Что за чудесная охота!

Маленький бур бежал по траве вслед за пони, но трава теперь была уже не такая густая и высокая.

А тут еще пони, попав ногой в разрытый муравейник, упал на колени, и Сорви-голова с Фанфаном, перелетев через его голову, шлепнулись оземь шагах в шести от него.

Полуоглушенный, Сорви-голова мгновенно вскочил, но его товарищ лежал без сознания.

— Сдавайтесь!.. Сдавайтесь!.. — заорали англичане.

— Ни за что! — гаркнул им в тон Сорви-голова, наводя на них свое ружье.

С изумительным хладнокровием он выстрелил три раза подряд и сшиб с коней трех мчавшихся впереди англичан.

Потом, передав свое ружье Полю, он произнес:

— В магазине осталось еще четыре патрона. Задержи врага, а я унесу Фанфана.

Фанфан по-прежнему лежал без памяти. Сорви-голова поднял его и побежал к лесу.

Он уже почти достиг опушки, как вдруг всего в нескольких шагах от себя услышал раздавшийся из леса громopodobный голос: «Огонь!» И в то же мгновение он очутился среди дыма и пламени: со всех сторон громыхали выстрелы.

Капитану Сорви-голова показалось, что он в настоящем аду.

¹ Четыре сына Эмона — легендарные странствующие рыцари. Во время походов Карла Великого против мавров они совершили множество подвигов. Часто их изображают путешествующими на одном коне, знаменитом Баярде.

ГЛАВА III

Воспоминание о «Ледяном аде». — Замысел молодого миллионера. — За буров! — Встреча с Фанфаном. — В путь! — Набор добровольцев. — В заливе Делагоа. — Португальская таможня. — Претория. — Президент Крюгер. — Молокососы.

Не так давно «Журнал путешествий» опубликовал под заголовком «Ледяной ад» рассказ о приключениях французов в Клондайке, стране богатейших золотых россыпей. Напомним кратко об этой захватывающей драме.

Несколько молодых французов, жертвы прославившегося своими злодеяниями бандитского сообщества «Кровавая звезда», отправились искать счастья в это таинственное Эльдorado Полярного круга. Ценою невероятных страданий и смертельных опасностей им действительно удалось добыть баснословное состояние. Но бандиты, не упускавшие их из виду, тайно отправились за ними в Клондайк. Там они узнали, что французам посчастливилось открыть «Золотое море» — богатейшие россыпи, упорно разыскиваемые всеми золотоискателями. Разумеется, бандиты решили завладеть этим сокровищем, которое, даже по предварительным подсчетам,

превышало, и значительно превышало, ослепительную цифру в сто миллионов.

Героями этой драмы золота и крови были семь человек: молодой ученый Леон Фортэн и его прелестная невеста Марта Грандье, газетный репортер Поль Редон, присоединившийся к ним старый канадец Лестанг, Дюшато и его отважная дочь Жанна и, наконец, брат Марты — Жан Грандье.

Жану Грандье, воспитаннику коллежа Сен-Барб¹, было тогда всего пятнадцать лет. Природа одарила его недюжинным умом, физической силой и необыкновенной для юноши его лет выносливостью. Этот школьник, умевший храбро противостоять всем испытаниям, совершил там чудесные, почти легендарные подвиги.

Не будем говорить о его изумительной способности переносить мороз в пятьдесят градусов, о необыкновенной ловкости, проявленной им в борьбе с дикими зверями — огромными полярными волками, — скажем лишь, что, тяжело раненный, обмороженный, ослабленный потерей крови, он собственноручно убил пятерых бандитов из шайки «Кровавой звезды» и освободил свою сестру и Жанну Дюшато, находившихся в плену у этих злодеев. Во Францию он вернулся сказочно богатый и одержимый той жаждой приключений, которая знакома и не дает покоя всем, кто хоть раз вкусил прелесть этой волнующей жизни.

Отдохнув несколько месяцев, Жан заскучал. Его деятельная натура требовала применения своим силам. Он решил было, став во главе какой-нибудь географической экспедиции, проникнуть в не исследованные еще страны или взяться за какое-либо другое смелое и полезное дело, но тут вспыхнула Англо-бурская война.

Пылкая и благородная душа Жана Грандье мгновенно загорелась сочувствием к двум маленьким южноафриканским республикам, борющимся за свою независимость.

Его восхищали спокойствие, достоинство и величие старого, патриархального президента — благородного Крюгера, в котором он видел живое воплощение древних добродетелей мужественного бурского народа.

Он влюбился в буров, этих солдат-добровольцев, ненавидевших войну и взявшихся за оружие только ради защиты святого дела национальной независимости. В то же время он от всей души возненавидел англичан-завоевателей, которые развязали войну, бросив многочисленную и могучую английскую нацию против двух крошечных государств. Уже один только этот факт вопиющего неравенства сил казался ему величайшим преступлением против человечества.

¹ Коллеж — средняя школа во Франции. Коллеж Сен-Барб — один из старейших парижских коллежей.

С одной стороны — могущественная, богатейшая в мире империя с населением в четыреста миллионов человек, с превосходной армией, флотом, колониями, первоклассной промышленностью, огромными финансовыми ресурсами. Колосс, господствующий на морях и на суше — целой трети земного шара! С другой стороны — два крошечных народа, едва насчитывающих четыреста тысяч жителей, мирных крестьян, занимающихся земледелием и мечтающих только о том, чтобы жить в мире и быть подальше от всех тревог, которые потрясают человеческое общество.

Он трепетал за них, изумлялся равнодушию цивилизованных народов, возмущался тем, что ни один из этих народов не посмел или не смог помешать этому несправедливому нападению, совершенному на другой же день после «международной мирной конференции».

Он говорил себе:

«Если большие государства так эгоистичны и подлы, а эта отвратительная вещь, которую называют политикой, потворствует их эгоизму и подлости, то все честные люди, люди большого сердца должны откликнуться и действовать, не щадя своей жизни. Я молод, смел и свободен в своих поступках, я люблю приключения, меня влечет ко всему величественному и доброму. Я готов отдать душу и телом благородному делу защиты слабых. И потому я стану добровольцем трансваальской армии».

Он поделился своим проектом с сестрой Мартой и ее мужем, Леоном Фортэном. Те от души его одобрили.

Да и кто бы мог помешать ему свободно распорядиться своей жизнью и своим состоянием?

После трогательного прощания со своим другом Полем Редоном, женившимся к тому времени на Жанне Дюшато, он отправился в намеченное путешествие.

Марта и Леон провожали Жана Грандье. Он уезжал в 8 часов 40 минут с вокзала П. Л. М.¹ скорым поездом, идущим в Марсель, откуда ему предстояло отплыть в бухту Делагоа².

Когда они подкатили к огромному вокзалу, какой-то подросток лет пятнадцати бросился открывать дверцу роскошного экипажа. Но соскочивший в ту же минуту с козел лакей Жана, обиженный непрошеным вмешательством в его служебные обязанности, так грубо отшвырнул мальчика от кареты, что тот растянулся во весь рост, больно ударившись лицом о мостовую.

¹ Париж — Лион — Средиземное море — железнодорожная линия, соединяющая Париж со средиземноморскими портами Франции.

² Делагоа — залив на юго-восточном побережье Африки, в бывшей португальской колонии Мозамбик. В глубине залива — город Лоренсу-Маркиш, естественный порт трансваальской равнины, откуда начинается железная дорога.

Богатство не ожесточило сердца героев Клондайка. Все трое невольно вскрикнули, а Жан, поспешно выйдя из кареты, подхватил парня под мышки и поставил его на ноги:

— Не очень больно? Все цело?.. Прости, друг, и, прошу тебя, прими маленькое вознаграждение.

А подросток, хотя у него обильно струилась из носу кровь и ему было очень больно, заставил себя улыбнуться и пробормотал:

— Вы очень добры, но, право, ничего...

Ни упрека, ни малейшего намерения поскандалить, чтобы извлечь выгоду из происшествия.

От взгляда Жана не ускользнуло, что у подростка приятная внешность, что одет он опрятно и что в нем нет ничего от классического типа открывателя каретных дверей¹. Облик Гавроша², но отнюдь не уличного хулигана. Все это мгновенно промелькнуло в голове Жана. Порывшись в жилетном кармане, он вытащил оттуда горстку луидоров³ и протянул их мальчику.

— Бери, не стесняйся, — сказал Жан Грандье, — и не поминай лихом нашу встречу.

Мальчик краснеет, бледнеет, смотрит, разинув от изумления рот, на золотые монеты и, наконец, восклицает:

— И все это мне? Из-за какого-то шлепка о мостовую? Здорово!.. Благодарю вас, князь! Наконец-то я выберусь за фортифы⁴ и полюбуюсь на белый свет!

— Ты любишь путешествовать? — спросил Жан.

— До безумия! С пеленок мечтал... А теперь вот благодаря вам я могу купить билет до Марселя.

— Постой, постой, но почему же именно в Марсель? — воскликнул Жан.

— Потому что уж там-то я как-нибудь обернусь и непременно попаду в страну буров.

¹ В Париже существует особая категория вечерних оборванцев. Они дежурят у театров, ресторанов, вокзалов и т. п.; как только подъезжает экипаж, они бросаются открывать дверцы, награждают выходящего княжеским титулом: «Прошу, князь» — и тут же протягивают руку за подачкой.

² Гаврош — маленький герой романа Виктора Гюго «Отверженные». Это парижский мальчик из народа, остроумный, насмешливый, смелый и великодушный. Его имя стало нарицательным.

³ Луидор — золотая монета в 20 франков.

⁴ Когда-то Париж был окружен в целях защиты высоким земляным валом. Эти фортификации во время Коммуны помогли парижанам выдерживать осаду версальцев, а позже — прусских войск. Теперь этот вал лишен всякого военного значения; парижане называют его «фортифами».

— Что?! Ты хочешь в волонтеры?! — невольно вырвалось у Жана.

— Да. Уж больно хочется поколотить этих англичанишек, которые мучают буров!

Леон Фортэн и его жена с интересом прислушивались к разговору, в котором собеседники перескакивали с пятого на десятое.

— Как тебя зовут? — без лишних предисловий спросил Жан.

— Фанфан.

— Где живешь?

— Раньше жил на улице Гренета, двенадцать, а теперь так, вообще... ну, просто на улице.

— Родители есть?

— Отец. Он пьянствует все триста шестьдесят пять дней в году и уж никак не меньше двух раз в сутки награждает меня колотушками. А позавчера совсем из дому выгнал.

— А мать?

— Пять лет как умерла, — ответил мальчик, и на глазах у него блеснули слезы.

— Так, значит, ты твердо решил записаться в трансваальскую армию?

— О да!

— В таком случае, Фанфан, я беру тебя с собой.

— Не может быть!.. Благодарю от всего сердца! С этой минуты я ваш и на всю жизнь! Увидите, как предан будет вам Фанфан!

Так капитан Сорви-голова завербовал первого добровольца в свою роту разведчиков.

В Марселе Жан завербовал еще одного добровольца, который работал раньше поваренком на морском пароходе, а теперь был без места. Его, как и всякого провансальца, звали Мариусом, и он охотно отзывался на прозвище «Моко».

В Александрии Жан завербовал сразу двоих. То были юнги: один — итальянец, другой — немец; оба они только что вышли из больницы и ожидали отправки на родину. Немца звали Фрицем, итальянца — Пьетро.

Рассмеявшись, Жан сказал Фанфану:

— Четыре человека — целый полувзвод, и я его капрал!

Вербовка этого разноязычного интернационального отряда продолжалась всю дорогу.

В Адене Жан наткнулся на двух алжирских арабов. Их вывез из Алжира губернатор Обока¹, но они бежали от него и теперь старались как-нибудь устроиться. Они говорили на ломаном французском языке и

¹ О б о к — порт. Расположен у самого входа в Красное море, в заливе Аден.

охотно согласились следовать за внушавшим доверие молодым человеком, который к тому же предложил им великолепное жалованье.

Наконец, уже на пароходе, Жан Грандье встретился с семьей бедных французских эмигрантов, отправлявшихся попытать счастья на Мадагаскар.

Их было пятнадцать человек, считая племянников и других дальних родственников. И, увы, все они были так бедны, что даже легендарная, ставшая нарицательной нищета Иова¹, наверное, показалась бы им богатством.

Молодость и энтузиазм Жана произвели сильное впечатление на этот маленький клан, и ему удалось уговорить трех юношей последовать за ним в Трансвааль. Под предлогом возмещения убытков за потерю трех пар здоровых молодых рук, которых он временно лишал семью, Жан вручил главе семьи десять тысяч франков и обещал выплатить столько же после окончания кампании.

«И все же мне хотелось бы пополнить свой отряд до дюжины», — думал Жан, превратившись из капрала во взводного.

Результаты, которых он добился в этом отношении по прибытии в Лоренсу-Маркиш, превзошли все его ожидания.

Жан, как человек, привыкший надеяться только на самого себя, привез из Франции на сто тысяч франков оружия, боеприпасов, одежды, обуви, предметов снаряжения и упряжи. Он знал, что на войне все может понадобиться. Правда, его немного тревожил вопрос о выгрузке этого более чем подозрительного багажа на португальской территории. Однако, несмотря на свою молодость, наш друг был достаточно дальновидным и опытным парнем, ибо опасные приключения являются лучшей школой жизни. Поэтому, когда корабль пришвартовался, Жан преспокойно оставил на его борту свой огромный груз, а сам отправился на дом к начальнику португальской таможни.

Лузитанское² правительство плохо платило своим служащим. Жалованье им выдавали редко, а зачастую и совсем не выдавали. Им предоставлялась полная свобода выкручиваться как угодно из этого неприятного положения. Они и выкручивались, да так ловко, что жили совсем неплохо и даже довольно быстро наживали состояние, и это, несомненно, свидетельствовало об их изумительных административных способностях.

Жан Грандье, осведомленный об этой особенности их существования, поговорил несколько минут (ведь время теперь — деньги!) с его превос-

¹ Иов — библейский персонаж, прославившийся своим благочестием и покорностью.

² Лузитания — древнее название Португалии.

ходительством и тут же получил разрешение на немедленную выгрузку своей поклажи.

Его превосходительство потребовал лишь заверения, что в многочисленных и тяжелых ящиках находятся орудия производства.

Жан, не моргнув, охотно уверил его в этом и уплатил таможенные пошлины.

Многим эти пошлины показались бы, вероятно, несколько раздутыми, ибо они составили кругленькую сумму в тридцать пять тысяч золотых франков, из которых лишь пять тысяч приходились на долю правительства, остальные же тридцать шли в карман его превосходительства. Но ведь его превосходительство, в свою очередь, должен был вознаградить за временную слепоту английских контролеров, а это стоило ему нескольких крон.

Жан был в восторге от своей сделки и приказал, не мешкая ни минуты, выгружать «орудия производства», которые тут же были отправлены по железной дороге в Преторию¹.

Неистощимое великодушие и неиссякаемая веселость Жана производили сильное впечатление на всех, кто сталкивался с ним. Его умение, не командуя, одним лишь словом или даже просто жестом заставить повиноваться себе, его сдержанность, его исполненная собственного достоинства непринужденность в обхождении с людьми, его уверенность в себе — все выдавало в нем вождя.

Первые его товарищи, фанатически поверившие в него, вербовали ему все новых и новых сторонников. Так, они привели к нему двух молодых креолов из Реюньона², которые, попытав счастья в шахтах Трансвааля, возвращались домой без единого лиарда³. Затем были завербованы два молодых португальских солдата, дезертировавшие по какой-то веской причине из своих частей, и, наконец, юнга торгового флота, страстный любитель приключений, который немедленно покинул свой корабль, чтобы примкнуть к ним.

Теперь их собралось пятнадцать парней, мечтавших о подвигах. И хотя среди них были представители самых различных национальностей, все они отлично уживались друг с другом, слившись в тесную, дружескую семью.

Двадцать четыре часа спустя поезд мчал их в Преторию, куда они и прибыли без особых приключений. Жан Грандье отправился к президенту Крюгеру и был тут же принят вместе со своими товарищами.

¹ Претория — столица бывшей Трансваальской республики.

² Реюньон — группа островов (прежнее название — остров Бурбон).

³ Лиард — старинная французская монета.

В Трансваале не существовало никаких преград между президентом и его посетителями: ни приемных, ни адъютантов, ни секретарей — свободный доступ для всех, у кого была надобность к этому высокочтимому народом государственному деятелю, чью нечеловеческую энергию, казалось, впитал в себя весь храбрый, сражавшийся за свою независимость народ Трансвааля.

Волонтеры во главе с их командиром ввели в обширный зал. Здесь у заваленного бумагами письменного стола сидел президент, черты лица которого были известны всему миру по фотографиям.

Секретарь, стоявший рядом с ним, перелистывал депеши и по указанию президента быстро делал на них пометки. В уголке крепко сжатых губ старика свисала его неизменная трубка, дымившая после методических и коротких затяжек.

Выразительное, с крупными чертами и массивным подбородком лицо этого крепко сбитого великана было обрамлено густой бородой, а чуть прищуренные глаза пронизывали собеседника острым взглядом, смущавшим своей твердостью и внутренней силой.

О нет, ничего общего с Крюгером на английских карикатурах!

Достаточно взглянуть на него, увидеть его медлительные, почти вялые движения, его высохшее лицо, его словно высеченный резцом ваятеля корпус, его атлетическое телосложение, чтобы почувствовать огромную, дремлющую в нем силу, железную, ничем не сокрушимую и непреклонную волю.

Да, этот человек производил внушительное, даже величественное впечатление, несмотря на простоту его нескладно скроенной одежды, несмотря на этот вышедший из моды, смешной, единственный в своем роде и неизменный, как и его трубка, шелковый цилиндр, без которого он нигде и никогда не появлялся.

А впрочем, эта шляпа действовала неотразимо. Ведь она, так сказать, была частью самого президента Крюгера, вернее, столь же неотъемлемой характерной чертой его внешности, как чепчик королевы Виктории, как монокль мистера Джозефа Чемберлена¹ или треуголка Наполеона.

И впечатление, производимое ею, было настолько сильно, что у Фанфана, ошеломленного этим шедевром шляпного мастерства, невольно вырвалось по меньшей мере непочтительное восклицание:

— Боже! Ну и колпак!

К счастью, президент не очень-то разбирался в тонкостях парижского жаргона. Он не знал, точнее, уверял, что не знает и не понимает ни одного языка, кроме голландского.

¹ Вождь английских консерваторов. В начале войны с бурами занимал пост министра иностранных дел.

Благоразумнее, конечно, было бы не очень доверять этому.

Президент медленно обернулся к Жану Грандые, легким кивком ответил на его приветствие и спросил через своего переводчика:

— Кто вы и что вам угодно?

— Француз, желающий драться с врагами вашей страны, — последовал лаконичный ответ.

— А эти мальчики?

— Завербованные мною волонтеры. Я за свой счет вооружаю, снаряжаю и одеваю их, покупаю им коней.

— Вы так богаты?

— Да. И я намерен завербовать сотню молодых людей, сформировать из них роту разведчиков и отдать ее в ваше распоряжение.

— А кто будет командовать ими?

— Я. Под начальством одного из ваших генералов.

— Но ведь они еще совсем молокососы.

— Молокососы? Неплохо! Отныне так и будем называться: отряд Молокососов. Могу вас заверить — вы не раз услышите о нас!

— Сколько же вам лет?

— Шестнадцать.

— Гм... молодо-зелено.

— В шестнадцать лет вы, кажется, уже убили вашего первого льва?

— Верно! — улыбнулся Крюгер.

— И потом юность... Разве не в этом именно возрасте человек полон дерзновенных мечтаний, беззаветной преданности, жажды самопожертвования, презрения к опасностям и даже к самой смерти!

— Хорошо сказано, мой мальчик! Будьте же командиром ваших Молокососов, вербуйте сколько хотите волонтеров и превратите их в солдат. Бог свидетель — вы мне нравитесь, и я поверил в вас.

— Благодарю вас, господин президент! Вот увидите, как славно мы у вас поработаем!

Но старик уже поднялся во весь свой рост, намекая на конец аудиенции. Он пожал капитану Молокососов руку, да так стиснул ее, что у другого бы она хрустнула, и при этом убедился, что рука Жана Грандые тоже не из слабых.

— Верю, что этот маленький француз совершит большие дела, — сказал он, улыбаясь.

Старый президент, или, как его любовно называли буры, «дядя Поль», оказался хорошим уроком.

На другой день пятнадцать Молокососов шагали по улицам Претории в полном боевом снаряжении, с маузерами за плечами, с патронташами на поясных ремнях, в широкополых фетровых шляпах.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая МОЛОКОСОСЫ

<i>Глава I.</i> Смертный приговор. — Бур и его друг, молодой француз. — Отказ приостановить исполнение приговора под миллионный залог. — Осужденный сам роет себе могилу. — Казнь. — Трагическая сцена. — Мечь. — Капитан Сорви-голова и погоня за ним	5
<i>Глава II.</i> Гон. — Человек в роли дичи. — Дичь защищается. — Первые подвиги капитана Сорви-голова. — Бесстрашные юнцы. — Инстинкт лошадей. — Обходное движение. — Колючий кустарник. — Фанфан ранен. — Отчаянное бегство. — Пони убит. — Смертельная опасность. — Между двух огней.	15
<i>Глава III.</i> Воспоминание о «Ледяном аде». — Замысел молодого миллионера. — За буров! — Встреча с Фанфаном. — В путь! — Набор добровольцев. — В заливе Делагоа. — Португальская таможня. — Претория. — Президент Крюгер. — Молокососы.	24
<i>Глава IV.</i> Война — не всегда сражение. — Разочарование. — Обозники и землекопы. — Боевое крещение. — Атака. — Победа. — Песенка Фанфана-Тюльпана становится походным маршем Молокососов. — Сорви-голова и его генерал. — Конец рейда. — Появление Молокососов там, где их меньше всего ждали. — Послание английским судьям.	35
<i>Глава V.</i> Сражение. — Гайлендеры Гордона и Молокососы. — Огоны! — Истребление офицеров. — Герцог Ричмондский и его сын. — Ожесточенная борьба. — Последний патрон. — Враги повержены! — Великодушие. — Вольтер. — Письмо. — Несчастливая мать. — Победа.	44
<i>Глава VI.</i> Бурский походный госпиталь. — Современные ранения. — Доктор Тромп. — «Гуманная» пуля. — Об одном оригинале. — На войне идут умирать всегда одни и те же. — Чудесные исцеления. — Последствия ранений осколками. — Душа англичанина. — Непризнанные герои. — Ночной выстрел.	55
<i>Глава VII.</i> О том, к чему приводит излишняя бдительность. — Слишком сильное увлечение разведкой. — Пленник. — У англичан. — Известность, которая доставляет неприятности. — Неожиданные последствия некоторых писем. — Два члена военного суда. — Что понимают англичане под выражением «подколоть свинью». — Варварское обращение. — Генерал. — Великодушный враг. — «Вольно!»	67
<i>Глава VIII.</i> В вагоне. — На крейсере. — На рейде Саймонстауна. — Бегство. — Преследуемый акулами. — Лестница подземного хода. — Серое платье, белый передник и судки с провизией. — Оригинальное бегство. — Коттедж и англичанка. — Служанка на все руки	77
<i>Глава IX.</i> Образцовая служанка. — Все в жизни приедается. — Телеграмма. — Ехать, и немедленно! — Санитарный поезд. — На пути в Кимберли. — О том, что может открыть путешествие по железной дороге. — Трудное путешествие. — Умер. — Несчастливая мать. — Бегство. — Между двух огней. — Белый чепчик. — Походный марш Молокососов	87

Часть вторая БОРЬБА ИСПОЛИНОВ

- Глава I.* Опять сражение. — Все в хаки. — Что такое хаки? — Снова шотландцы. — «Роёр» Поля Поттера. — Белые шарфы. — Двенадцатый. — Без страха и упрека. — Смерть храбреца. — Поражение. — Напрасные уговоры. — Псалом. — Пророчество 100
- Глава II.* Иностраннный легион. — Обреченный легион. — Ночная атака. — «Длинный Том» получает повреждение. — Бронепоезд. — Кронье приказывает. — Сорви-голова повинуется. — Вперед, Молокососы! — Динамит. — Железная дорога минирована. — Приказ Фанфану. — Сорви-голова на мосту. — Ирландец. — В пучине 110
- Глава III.* Батарея на колесах. — Два взрыва. — Фанфан-воитель. — Подвиги капитана Сорви-голова. — Утонувший ирландец. — Пригвожденный волонтер. — Завоевание шляпы с меткой «СIV». — Опять марш Молокососов. — Английские пленники. — Вероломство пленного капитана. — Трагическая смерть одного из членов военного суда 119
- Глава IV.* Лагерь буров. — Сорви-голова у генерала. — Командировка. — Велосипеды дяди Поля. — Сорви-голова и Фанфан. — Солдаты-велосипедисты. — Переправа через Моддер. — Английские уланы. — Преследование. — Неожиданный скачок велосипедистов 131
- Глава V.* Отчаянная борьба. — Истребление людей и лошадей. — Король стрелков. — Стычка, в которой Сорви-голова одержал победу, а Фанфан потерял кончик уха. — Последний из оставшихся в живых. — На память майору Колвиллу. — В Якобсдале. — В путь! 141
- Глава VI.* Бешеная езда. — В поезде. — Поезд подорван! — Отчаянные усилия. — Под огнем. — Сорви-голова и Жубер. — Пробито легкое. — Доктор Тромп. — Черный, но не негр. — О том, как «выкручивался» Фанфан. 149
- Глава VII.* Выздоровление. — Сорви-голова хочет вернуться на фронт. — Пятнадцать дней спустя. — Битва на Спионскопе. — Луи Бота. — Наступление буров. — Страшная пальба. — Пленники. — Смерть генерала Вуда. — Горе капитана Сорви-голова. — Последняя воля. — Патрик Ленокс. — Возвращение под Кимберли. 160
- Глава VIII.* Старый Боб. — Предчувствия Жубера. — Слепление Кронье. — Обходное движение. — В окружении! — Лагерь Вольверскраала. — Ожесточенная бомбардировка. — Героическое сопротивление. — Капитуляция. — Четыре тысячи пленных! — Капитан Жюно. — Два друга. — Бегство. 170
- Глава IX.* Опасная переправа. — В водовороте. — Одним меньше! — Один конь на двух всадников. — В Питерсбурге. — Англичане! — Осечка! — Капитан Руссел. — Сопротивление бесполезно. — Капитана Сорви-голова тащат на виселицу. — Тот, кого больше не ждали. — На дороге к Блумфонтейну. 182

Часть третья ДИНАМИТНАЯ ВОЙНА

- Глава I.* О том, как Оранжевая республика поглотила баролонгов. — Три пастушки. — Голова капитана Молокососов оценена в тысячу фунтов стерлингов, а голова майора Колвилла — в один пенни. — Катастрофа. — Исчезновение одиннадцати улан. — Появление трех необычайных кумушек. 192

<i>Глава II.</i> Герилья. — Немыслимое предприятие. — Отступать! — Уланы! — Три двоюродные сестры Поля. — Пленники. — Снова бойня. — Шутка капитана Сорви-голова. — Унижение солдат ее величества королевы. — Привет майору Колвиллу	204
<i>Глава III.</i> Старые друзья. — Саперы роты Молокососов. — Наполеон. — Неосторожность. — Окружены! — Парламентер. — «Капитулируйте!» — Гордый ответ. — Под артиллерийским обстрелом. — Пролом. — Сорви-голова покупает стадо. — Прихоть, которая обходится в тридцать тысяч флоринов. — О том, зачем понадобилась эта покупка. — Необыкновенные приготовления. — Куда пойдут коровы? — Томительное ожидание.	214
<i>Глава IV.</i> Когда в дело вмешиваются женщины. — Героическое самопожертвование матери и дочерей. — Взрывы. — Победа, купленная слишком дорогой ценой. — Похороны патриоток. — Пожар. — Стычка. — Опять уланы! — Окружены. — Молокососы на краю гибели. — Конец ли это?	225
<i>Глава V.</i> Возвращение на пылающую ферму. — Среди пламени. — Опять динамит. — Новый пролом. — Карьером! — Прощальный залп. — Спасены! — Бурский картофель. — Замысел капитана Сорви-голова. — Трогательное прощанье. — Переодевание.	233
<i>Глава VI.</i> В разведке. — Оправдавшиеся предвидения. — Как вернуться? — Норовистый конь. — Кувыркком! — Драка. — Удар головой и ловкая подножка. — Отчаянное бегство. — В прятки! — У майора. — Сон пьянчуги. — Сорви-голова не теряется. — Верный Билли. — Опять тревога!	241
<i>Глава VII.</i> О людях, которых бьют. — Опять драка. — Пушки выведены из строя. — Распивочная. — Сорви-голова покупает виски. — В роли пьяницы. — Патруль. — Первое угощение. — Часовые. — Второе угощение. — Прodelки лжепьяницы. — Конный патруль. — Третье угощение. — Подозрение. — Последняя бутылка и первый выстрел. — Карьером!	249
<i>Глава VIII.</i> Нашествие. — Как англичане воевали с бурами. — Свирепые цивилизаторы. — Грабежи и пожары. — Драма в Блесбукфонтейне. — Убийство столетнего старца. — Истребление женщин и детей. — Мстители. — Майору Колвиллу приходится наконец уплатить по счету. — Отступление.	258
<i>Глава IX.</i> Предчувствие. — Переход через Вааль. — Отступление. — Во имя спасения армии генерала Бота. — Фермопилы. — Поль и Патрик. — Стоять насмерть! — Гибель Молокососов. — Последние пули и последние Молокососы. — Капитан Жюно. — Выживут ли они?	268
<i>Послесловие</i>	280